

Х, не обнаруживающиеся в других источниках. Так, под 6822 г. Х воспроизводит известия Л за 6822—6823 гг. о борьбе между тверским князем Михаилом Ярославичем и московскими князьями Юрием и Афанасием Даниловичами за Новгород, но заимствует одну фразу из В («Он же иде в Новгород со братом Афонасем и седе на столе») и заканчивает словами (о Михаиле): «...и приде в Новгород, и сотвори мир лествю. Афонасей Данилович убежа и посади наместник князь Михайло Тверски». Такой фразы нет ни в Л, ни в В, ни в Т, но она приблизительно излагает исход событий 1314—1315 гг. Таким же кратким изложением последующих событий было в Х и добавление к известию об убийстве великого князя Юрия тверским князем Дмитрием Михайловичем в 6833 г.: «Не по мнозе и сам Дмитрей и брат его Александр убиени быста в Орде от царя» (в Л в этом месте о Дмитрие сказано только: «недобро бысть и самому»; о казни Дмитрия рассказывается под 6834 г., а о казни Александра — под 6847 г.). Могут быть приписаны составителю Х также комментарии к известию (из Л) о явлении «звезды хвостатой» в 6875 г. («но глаголят, яко не на добро се знамение является») и дополнение к рассказу о Едигее 6916 г. (сходному с В) — «хотя плени, яко же и Тохтамыш».

Но составитель Х не только переставлял и комментировал данные своих источников. Он позволял себе иногда и заключения от одних фактов к другим — своего рода научные гипотезы. «Сед на великом княжении Иван Данилович, внук Невского, брат Юрьев...», — начал он свое изложение 6834 г. Ни в Л, ни в Т такого сообщения не было (здесь говорится только о рождении у Калиты сына Ивана), да и не могло быть — все они знали, что Иван Калита занял великокняжеский престол в 6836 (1328) г., после тверского восстания против Щелкана. Но все эти летописи начинали именовать Калиту великим князем до 6836 г., и составитель Х, по-видимому, решил, что он должен был уже в это время занимать престол «великого княжения». Еще более интересна была теория холмогорского летописца относительно роли литовских князей в Куликовской битве. Свои сведения о Литве он черпал, как мы знаем, из «Сказания о князьях Владимирских», откуда, в частности, заимствовал рассказ о смерти Ольгерда и разделении его владений между потомками под 6885 (1377) г. Но известие о смерти Ольгерда в 1377 г. противоречило другим сведениям, которые составитель Х мог, очевидно, получить из «Сказания о Мамаевом побоище». В первоначальной редакции В (Лондонском списке) наряду с летописной повестью о Куликовской битве читалось как раз «Сказание» той редакции, где литовский князь, помогавший Мамаю в 1380 г., именовался Ольгердом.⁵⁹ Как же согласовать столь противоречивые известия об Ольгерде? Холмогорский летописец выставил гипотезу, которой, во всяком случае, нельзя было отказать в смелости и оригинальности: он предположил, что «Ольгерд», сражавшийся на стороне Мамаю, — это не собственное имя человека, а почетное наименование, которое Ягайло дал своему полку: «той же Ягайло князь бысть советник и друг безбожному Мамаю, князю Ордынскому, своим полком, его же имяноваше Олгердом» (л. 271 об.).⁶⁰

⁵⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 328—341; ср.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 388—389.

⁶⁰ Можно предположить и другое объяснение этого текста Х; возможно, что слова «его же имяноваше Олгердом» относятся не к полку, а к Ягайло, и таким образом летописец считает, что Ягайло носил второе имя, совпадавшее с именем его отца.